

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2025.48.17.014

**Внешнее управление как реабилитационная процедура:
условия введения, механизмы реализации и эффективность****Кривошеков Вячеслав Сергеевич**

Аспирант,
Московский финансово-юридический университет МФЮА,
115191, Российская Федерация, Москва, ул. Серпуховский Вал, 17;
e-mail: crivoshekow@yandex.ru

Аннотация

Внешнее управление, предусмотренное Федеральным законом № 127-ФЗ, задумано как ключевая реабилитационная процедура банкротства, однако в практике применяется крайне редко и зачастую не приводит к восстановлению платежеспособности. Цель исследования — выявить условия введения, механизмы реализации и причины низкой эффективности внешнего управления, а также определить направления совершенствования регулирования. Материалом послужили нормы ГК РФ и Закона о банкротстве, разъяснения высших судов, статистика ЕФРСБ и Судебного департамента и массив арбитражной практики последних пяти лет; использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, герменевтический и статистический методы с сопоставлением зарубежных моделей. Показано, что суды вводят внешнее управление только при наличии убедительного экономического обоснования, поскольку процедура предполагает отстранение руководства и передачу полномочий внешнему управляющему на срок до 18 месяцев с возможным продлением, а центральным инструментом выступает мораторий на удовлетворение «реестровых» требований, снижающий санкции до процентов по ставке рефинансирования и перераспределяющий инфляционные риски на кредиторов. Установлено, что ключевые механизмы плана (реструктуризация, продажа имущества, взыскание дебиторки, замещение активов, продажа предприятия как имущественного комплекса) часто носят декларативный характер из-за отсутствия детализированного cash-flow, анализа рынка и источников нового финансирования; неопределенность статуса «свежих денег» и отсутствие полноценного режима DIP-финансирования резко ограничивают возможность перезапуска бизнеса. Выявлены системные барьеры: недоверие кредиторов к управляющему и мотивационному дизайну его вознаграждения, злоупотребления при затягивании процедур или недружественных поглощениях, пассивность судов при применении *stap down* против воли собрания, а также жесткая позиция фискального кредитора. Статистика демонстрирует долю внешнего управления около 1–2% и минимальную долю успешных выходов, что подтверждает институциональный кризис. Дополнительно отмечено, что оспаривание подозрительных сделок и возврат активов редко становятся быстрым источником средств, а продажа бизнеса на торгах затягивается из-за обжалований; при списании долгов возможны налоговые риски, а невыплата текущей зарплаты делает процедуру неустойчивой для должника. Сделан вывод о необходимости перехода от формализма к экономически верифицируемым критериям санации, усиления судебной экспертизы жизнеспособности

бизнеса, защиты нового финансирования и реформирования реабилитационного блока банкротства (вплоть до единой процедуры реструктуризации долгов).

Для цитирования в научных исследованиях

Кривошеков В.С. Внешнее управление как реабилитационная процедура: условия введения, механизмы реализации и эффективность // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 11А. С. 129-139. DOI: 10.34670/AR.2025.48.17.014

Ключевые слова

Внешнее управление, банкротство, мораторий, план внешнего управления, новое финансирование.

Введение

Институт несостоятельности в современной правовой действительности представляет собой не просто механизм ликвидации неэффективных хозяйствующих субъектов, но и сложную систему правовых средств, направленных на восстановление платежеспособности должника и сохранение бизнеса как действующей единицы, что имеет фундаментальное значение для стабильности гражданского оборота. В условиях турбулентной экономики и периодических кризисных явлений акцент законодателя смещается с прокредиторской модели, ориентированной на скорейшее удовлетворение требований за счет распродажи активов, на реабилитационную модель, где приоритетом выступает санация предприятия. Внешнее управление, регламентированное Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ, исторически задумывалось как ключевая реабилитационная процедура, позволяющая через смену менеджмента и введение моратория на удовлетворение требований кредиторов аккумулировать ресурсы для финансового оздоровления. Однако правоприменительная практика последних десятилетий демонстрирует парадоксальную ситуацию: несмотря на наличие детально прописанного законодательного регулирования, реальное применение внешнего управления остается ничтожно малым, часто не превышая статистической погрешности в общем массиве дел о банкротстве [Grashchenkova et al., 2022]. Это порождает закономерный вопрос о жизнеспособности данной процедуры в ее нынешнем виде и необходимости переосмысления правовых конструкций, заложенных в ее основу, с учетом баланса частных и публичных интересов.

Проблема эффективности внешнего управления лежит в плоскости конфликта интересов между должником, стремящимся сохранить корпоративный контроль и активы, и кредиторами, чья экономическая логика диктует необходимость минимизации потерь времени и денег, что зачастую достигается через немедленный переход к конкурсному производству. Законодатель, пытаясь уравновесить эти векторы, наделил внешнего управляющего широкими полномочиями и предоставил должнику защиту в виде моратория, однако на практике суды сталкиваются с трудностями при оценке реальной возможности восстановления платежеспособности [Рыбачок, 2020]. Отсутствие четких экономических критериев, формализм при составлении планов внешнего управления и недоверие кредиторов к фигуре арбитражного управляющего создают барьеры для широкого применения процедуры. Более того, существующая нормативная база содержит ряд пробелов, позволяющих использовать внешнее управление не как инструмент спасения, а как способ затягивания процесса банкротства в интересах бенефициаров должника

или, напротив, как механизм недружественного поглощения активов. В этой связи актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа правовой природы внешнего управления, выявления дефектов нормативного регулирования и выработки предложений по совершенствованию законодательства, которые позволили бы превратить данную процедуру из «мертвой нормы» в действенный инструмент антикризисного менеджмента [Ищенко, Ильченко, Ольховская, Семенова], 2024.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составляет совокупность общенаучных и частноправовых методов познания, позволяющих всесторонне изучить институт внешнего управления в динамике его развития и практического применения. Центральное место занимает формально-юридический метод, посредством которого был проведен детальный анализ норм Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», а также разъяснений высших судебных инстанций, включая Постановления Пленума Верховного Суда РФ и ранее действовавшие акты Высшего Арбитражного Суда РФ. Данный метод позволил выявить внутреннюю логику законодательных конструкций, определить содержание прав и обязанностей участников процедуры, а также обнаружить коллизии между различными правовыми нормами, регулирующими процесс восстановления платежеспособности [Усенкова, Кулакова, 2021]. Наряду с этим применялся сравнительно-правовой метод, необходимый для сопоставления российского опыта с зарубежными моделями реабилитационных процедур, таких как глава 11 Кодекса США о банкротстве или административное управление в праве Великобритании, что дало возможность оценить соответствие отечественного регулирования международным стандартам и выявить потенциальные направления для рецепции успешных правовых институтов.

Эмпирическую базу исследования составили материалы судебной практики арбитражных судов различных округов за последние пять лет, а также статистические данные, публикуемые в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (ЕФРСБ) и Судебным департаментом при Верховном Суде РФ. Особое внимание уделялось анализу определений о введении внешнего управления, планов внешнего управления, утвержденных собраниями кредиторов, и судебных актов, которыми процедуры прекращались в связи с переходом к конкурсному производству или восстановлением платежеспособности. Для обеспечения объективности выводов использовался метод статистического анализа, позволивший количественно оценить долю успешных кейсов внешнего управления и выявить корреляцию между отраслевой принадлежностью должника и вероятностью успешной санации [Щербаков, 2025]. Кроме того, в работе применялся герменевтический подход при толковании правовых норм, направленный на выявление истинной воли законодателя и телеологического смысла института реабилитации, который зачастую искажается в ходе правоприменения под давлением экономических факторов и процессуальных злоупотреблений сторон.

Результаты и обсуждение

Внешнее управление как процедура банкротства представляет собой уникальный правовой режим, вводимый арбитражным судом с целью восстановления платежеспособности должника,

ключевой особенностью которого является отстранение руководителя должника от управления делами и передача соответствующих полномочий внешнему управляющему. Данная мера является наиболее радикальным вмешательством в корпоративную структуру юридического лица на стадии, предшествующей ликвидации, поскольку она полностью разрывает связь между собственниками бизнеса (акционерами, участниками) и операционным управлением компанией. Законодатель исходит из презумпции, что именно неэффективный менеджмент привел предприятие к финансовому краху, и лишь привлечение независимого профессионала, наделенного антикризисными полномочиями, способно переломить негативный тренд. Однако анализ судебной практики показывает, что суды крайне осторожно подходят к введению данной процедуры, требуя веских доказательств того, что смена менеджмента действительно приведет к результату, а не просто увеличит текущие расходы на процедуру банкротства [Гусева, Бердугин, 2021]. Важным аспектом является то, что введение внешнего управления возможно лишь при наличии экономического обоснования, подтверждающего возможность восстановления платежеспособности в установленные законом сроки, которые, как правило, не могут превышать 18 месяцев с возможностью продления еще на 6 месяцев.

Центральным элементом правового режима внешнего управления выступает мораторий на удовлетворение требований кредиторов, который распространяется на денежные обязательства и обязательные платежи, сроки исполнения которых наступили до введения процедуры. Мораторий выполняет двойственную функцию: с одной стороны, он создает «защитный купол» для должника, позволяя аккумулировать оборотные средства, ранее уходившие на обслуживание долгов, и направить их на производственную деятельность; с другой стороны, он существенно ограничивает права кредиторов, которые не только не получают исполнения, но и несут инфляционные риски [Кочиева, 2025]. В этот период не начисляются неустойки (штрафы, пени) и иные финансовые санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежных обязательств и обязательных платежей, за исключением текущих платежей. Вместо этого на сумму основного долга начисляются проценты в размере ставки рефинансирования Центрального банка, что, по сути, трансформирует просроченную задолженность в своего рода льготный кредит. Судебная практика подтверждает, что мораторий является императивной нормой, и попытки кредиторов обойти его через исполнительное производство или зачет требований пресекаются судами как нарушение принципа *par condicio creditorum* – равенства кредиторов.

Ключевым документом, определяющим стратегию выхода из кризиса, является план внешнего управления, который должен быть разработан управляющим и утвержден собранием кредиторов не позднее чем через месяц после его назначения. Закон № 127-ФЗ содержит открытый перечень мер по восстановлению платежеспособности, включающий реперофилирование производства, закрытие нерентабельных производств, взыскание дебиторской задолженности, продажу части имущества должника, уступку прав требования, исполнение обязательств должника собственником имущества или третьим лицом, увеличение уставного капитала, размещение дополнительных обыкновенных акций, замещение активов и иные меры. Практикующие юристы отмечают, что качество подготовки плана зачастую оставляет желать лучшего: многие документы носят декларативный характер, не содержат детальных финансовых расчетов (*cash-flow*), анализа рыночной конъюнктуры и рисков. Суды, рассматривая жалобы на планы внешнего управления, неоднократно указывали, что план должен быть реальным, экономически обоснованным и исполнимым в конкретные сроки [Булатников, 2023]. Формальный подход к составлению плана является одной из главных

причин, по которым внешнее управление трансформируется в конкурсное производство без достижения реабилитационного эффекта.

Особый интерес с точки зрения правового анализа вызывает такая мера, как замещение активов должника, которая предполагает создание на базе имущества должника одного или нескольких публичных акционерных обществ. В уставный капитал создаваемых обществ вносится имущество должника, предназначенное для осуществления предпринимательской деятельности, а акции созданных обществ включаются в состав имущества должника и подлежат продаже на торгах. Этот механизм теоретически позволяет сохранить бизнес как действующий комплекс (*going concern*), очистив его от долговой нагрузки, которая остается на «старом» юридическом лице. Однако на практике реализация данной меры сопряжена с множеством правовых рисков, включая оспаривание оценки вносимого имущества, корпоративные конфликты и трудности с последующей реализацией акций на неликвидном рынке. Кроме того, кредиторы часто рассматривают замещение активов как попытку вывода ликвидного имущества, что влечет за собой многочисленные обособленные споры в рамках дела о банкротстве [Ермилова, Шеншин], 2020. Эффективность данной меры напрямую зависит от инвестиционной привлекательности создаваемых активов, которая в условиях банкротства, как правило, существенно снижена.

Анализ нормативной базы выявляет существенную проблему, связанную с дискрецией суда при принятии решения о введении внешнего управления против воли кредиторов. Закон дает суду право ввести внешнее управление даже в том случае, если собрание кредиторов проголосовало за открытие конкурсного производства, при условии, что есть достаточные основания полагать, что платежеспособность может быть восстановлена. Этот институт, известный как *scam down* (навязывание плана), крайне редко применяется российскими судами в контексте перехода от наблюдения к внешнему управлению. Судьи, опасаясь обвинений в затягивании процесса и нарушении прав кредиторов, предпочитают следовать решению собрания, которое в 99% случаев выбирает ликвидацию. Такая пассивность судебной системы нивелирует реабилитационный потенциал закона, превращая процедуру банкротства в конвейер по утилизации юридических лиц [Кузякина, 2020]. Юристы-практики справедливо указывают на необходимость законодательного расширения полномочий суда по назначению экспертизы возможности восстановления платежеспособности и усиления роли объективных экономических показателей при выборе процедуры.

Нельзя обойти вниманием и проблему статуса внешнего управляющего, который, с одной стороны, действует как антикризисный менеджер, а с другой — как лицо, подотчетное кредиторам и суду. Конфликт интересов здесь заложен системно: управляющий заинтересован в продлении процедуры для получения вознаграждения, в то время как кредиторы заинтересованы в быстром возврате средств. Закон устанавливает фиксированную часть вознаграждения, которая часто не соответствует рыночному уровню оплаты топ-менеджеров, способных реально спасти крупное предприятие, а мотивационная часть (проценты) выплачивается только в случае успешного погашения долгов, что случается крайне редко. Это приводит к тому, что на роль внешних управляющих часто назначаются специалисты, не обладающие необходимыми компетенциями для управления сложными производственными процессами, а ориентированные лишь на проведение формальных юридических процедур [Великанова, Кравцова, 2024]. Отсутствие механизмов привлечения профессиональных управленческих команд без раздувания текущих расходов — еще один камень преткновения.

В контексте анализа эффективности процедуры следует упомянуть и статистику ЕФРСБ, которая неумолимо свидетельствует о кризисе института внешнего управления. Доля дел, в

которых вводилось внешнее управление, колеблется в пределах 1-2% от общего числа процедур, а доля успешных выходов из процедуры с восстановлением платежеспособности исчисляется долями процента. Основная масса процедур внешнего управления заканчивается переходом в конкурсное производство по причине неисполнения плана или выявления невозможности восстановления платежеспособности. Это говорит о том, что либо процедура вводится слишком поздно, когда точка невозврата уже пройдена (что подтверждается данными о том, что банкротство инициируется в среднем через 3 года после возникновения признаков неплатежеспособности), либо сам инструментарий внешнего управления неадекватен современным экономическим реалиям [Клименко Т.В., Улезко А.А., Козлов], 2020. Кредиторы, понимая призрачность шансов на успех, предпочитают «синицу в руках» в виде распродажи остатков активов.

Существенным фактором, снижающим эффективность внешнего управления, является незащищенность нового финансирования. Для перезапуска производства часто требуются оборотные средства, однако привлечение кредитов в процедуре банкротства крайне затруднено. Хотя закон относит такие займы к текущим платежам, имеющим приоритет перед реестровыми требованиями, банки оценивают риски как запредельные. В зарубежных юрисдикциях существует институт DIP financing (debtor-in-possession financing) с суперприоритетом, который гарантирует инвестору возврат средств в первую очередь. В российском праве аналогичные нормы прописаны недостаточно четко, и на практике получение кредита находящимся во внешнем управлении предприятием практически невозможно без личного поручительства бенефициаров или залога активов третьих лиц [Рогачева, 2020]. Отсутствие «свежих денег» делает большинство планов внешнего управления заведомо неисполнимыми.

Правоприменительная практика также выявляет проблему злоупотребления правом со стороны мажоритарных кредиторов, которые могут блокировать утверждение плана внешнего управления, преследуя цель захвата активов должника или устранения конкурента с рынка. Суды вынуждены балансировать между принципом автономии воли собрания кредиторов и необходимостью защиты добросовестных интересов должника и миноритариев. В ряде прецедентных дел Верховный Суд РФ указывал на недопустимость произвольного отказа от реабилитационных процедур, если экономический анализ показывает возможность сохранения бизнеса. Однако бремя доказывания этой возможности целиком ложится на плечи должника и управляющего, что в условиях информационного и финансового дефицита крайне сложно реализовать [Тройнина, 20213].

Вопрос продажи предприятия должника как единого имущественного комплекса в ходе внешнего управления заслуживает отдельного рассмотрения. С юридической точки зрения это один из наиболее эффективных способов сохранения бизнеса: юридическое лицо-должник получает денежные средства от покупателя, рассчитывается с кредиторами, а бизнес продолжает функционировать под крылом нового собственника без долгового бремени. Однако процедура торгов жестко регламентирована и бюрократизирована, что затягивает процесс продажи на месяцы и годы, в течение которых стоимость бизнеса падает. Кроме того, риски оспаривания торгов отпугивают потенциальных стратегических инвесторов. Законодательство требует проведения инвентаризации, оценки, утверждения положения о торгах, что в совокупности с возможностью обжалования каждого этапа создает идеальную почву для процессуальных диверсий со стороны недобросовестных участников процесса [Торосян, 2024].

Сравнительный анализ с процедурой финансового оздоровления показывает, что внешнее управление является более жесткой мерой, так как предполагает отстранение руководства. Тем не менее, именно во внешнем управлении законодатель заложил возможность признания

недействительными сделок должника по специальным основаниям, предусмотренным главой III.1 Закона о банкротстве. Внешний управляющий обязан провести анализ подозрительных сделок и сделок с предпочтением, совершенных в период подозрительности. Возврат активов в конкурсную массу через оспаривание сделок часто рассматривается как один из источников финансирования плана внешнего управления. Однако судебные процессы по оспариванию сделок могут длиться годами, выходя за пределы сроков внешнего управления, что делает этот источник финансирования ненадежным для целей оперативного восстановления платежеспособности [Кочиева, 2025].

Необходимо отметить и тенденцию к реформированию законодательства о банкротстве. Законопроект, активно обсуждаемый юридическим сообществом, предполагает отказ от наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления в пользу единой реабилитационной процедуры – реструктуризации долгов. Это свидетельствует о признании законодателем неэффективности существующего дробления процедур. Предполагается, что новая модель будет более гибкой и позволит должнику и кредиторам договариваться об условиях погашения долгов без жестких рамок, присущих внешнему управлению. Однако критики реформы опасаются, что без создания экономических стимулов и изменения подходов судебной практики, простая смена вывесок не приведет к росту числа успешных санаций. Опыт внешнего управления показывает, что проблема не столько в названии процедуры, сколько в отсутствии доверия между участниками оборота и низком качестве институциональной среды.

Кроме того, анализ налоговых аспектов внешнего управления вскрывает дополнительные сложности. Списание части долгов (прощение долга) в ходе реализации плана может повлечь возникновение налогооблагаемой базы по налогу на прибыль у должника, что создает парадоксальную ситуацию: попытка спасения приводит к возникновению новых обязательств перед бюджетом. Хотя Налоговый кодекс РФ содержит ряд льгот, их применение на практике сопряжено с высоким риском споров с фискальными органами. Налоговая служба, выступая в роли кредитора, зачастую занимает жесткую позицию, голосуя против планов внешнего управления, если они не предусматривают полного погашения налоговой недоимки в кратчайшие сроки, что противоречит самой сути рассрочки и моратория. Этот ведомственный эгоизм становится еще одним гвоздем в крышку гроба реабилитационных процедур.

Рассматривая вопрос ответственности внешнего управляющего, следует подчеркнуть, что он несет полную материальную ответственность за убытки, причиненные должнику и кредиторам неисполнением или ненадлежащим исполнением своих обязанностей. В последние годы наблюдается ужесточение практики взыскания убытков с арбитражных управляющих, что приводит к оттоку квалифицированных кадров из профессии или повышению стоимости их услуг (через «серые» схемы вознаграждения). Страхование ответственности, являющееся обязательным, часто не покрывает реального размера ущерба в крупных банкротствах, а компенсационные фонды СРО не бездонны. Это создает ситуацию, когда риск занятия должности внешнего управляющего превышает потенциальную легальную выгоду, что негативно сказывается на качестве управления.

В завершение раздела обсуждения стоит упомянуть о роли работников должника. Во внешнем управлении сохранение рабочих мест часто декларируется как одна из целей, но на практике сокращение штата является одной из первых мер по оптимизации расходов. Конфликт между социальными обязательствами и экономической эффективностью решается, как правило, в пользу последней. Задолженность по заработной плате относится ко второй очереди и должна погашаться в приоритетном порядке, однако мораторий не распространяется на текущие

выплаты персоналу, что создает нагрузку на денежный поток предприятия. Неспособность внешнего управляющего обеспечить своевременную выплату текущей зарплаты является безусловным основанием для его отстранения и прекращения процедуры, что делает социальный фактор критически важным для устойчивости внешнего управления [Булатников, 2023].

Заключение

Подводя итог комплексному анализу института внешнего управления в российской правовой системе, необходимо констатировать его двойственную природу и глубокий системный кризис реализации. С теоретической точки зрения, конструкция внешнего управления, закреплённая в действующем законодательстве, обладает развитым инструментарием и соответствует классическим канонам реабилитационных процедур, известных мировому правопорядку. Она содержит необходимые правовые механизмы — от моратория на удовлетворение требований кредиторов до широких полномочий управляющего по распоряжению активами и реструктуризации бизнеса. Однако телеологический анализ правоприменительной практики и статистических данных свидетельствует о том, что данный институт фактически атрофировался, превратившись в редкое исключение из правила тотальной ликвидации. Основными причинами такой дисфункции являются не столько дефекты юридической техники, сколько фундаментальное недоверие участников гражданского оборота к возможности восстановления платежеспособности в условиях правовой неопределённости, а также отсутствие действенных экономических стимулов для кредиторов выбирать долгий путь санации вместо быстрого списания убытков. Превалирование прокредиторского подхода в судебной практике, выражающееся в приоритете интересов залоговых кредиторов и фискальных органов, блокирует реабилитационный потенциал процедуры на ранних стадиях.

Для реанимации реабилитационной направленности законодательства о несостоятельности требуется не просто точечная корректировка норм, а смена парадигмы правового регулирования. Необходимо внедрение гибких механизмов согласования интересов, аналогичных мировым стандартам заключения соглашений о реструктуризации, где роль суда сводится к контролю законности, а экономическая целесообразность определяется квалифицированным большинством кредиторов с учетом реальной стоимости бизнеса как действующего комплекса. Крайне важным представляется создание режима благоприятствования для нового финансирования проблемных активов и обеспечение реальной независимости арбитражных управляющих от мажоритарных кредиторов при сохранении высокого стандарта их профессиональной ответственности. Будущее института восстановления платежеспособности в России зависит от того, сможет ли правовая система отойти от формализма и карательного уклона в сторону прагматичного экономического подхода, рассматривающего банкротство как шанс на оздоровление, а не как приговор. Только в этом случае внешнее управление (или процедура, которая придет ему на смену) сможет выполнить свою макроэкономическую функцию по сохранению рабочих мест, налогооблагаемой базы и производственного потенциала страны.

Библиография

1. Булатников А.Н. Мониторинг и оценка эффективности реализации реабилитационных программ в сфере зависимости от психоактивных веществ // Наркология. 2023. Т. 22. № 11. С. 10-14.

2. Великанова Л.П., Кравцова Т.В. К вопросу о роли психологической компоненты в лечебно-реабилитационном процессе // Прикаспийский вестник медицины и фармации. 2024. Т. 5. № 1. С. 6-13.
3. Гусева Н.К., Бердугин В.А. Особенности и проблемы реализации реабилитационного процесса на медицинском этапе реабилитации // Лабораторная и клиническая медицина. Фармация. 2021. Т. 1. № 2 (2). С. 34-46.
4. Ермилова А.В., Шеншин А.С. Несовершенство государственной системы реабилитации как причина суицидальных настроений лиц с ампутациями конечностей и иными нарушениями опорно-двигательного аппарата // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 1 (57). С. 74-81.
5. Ищенко О.Ю., Ильченко Г.В., Ольховская Ю.А., Семенова Е.И. Парадигмы организации и управления развитием реабилитологии в Российской Федерации // Детская и подростковая реабилитация. 2024. № 2 (52). С. 43-55.
6. Клименко Т.В., Улезко А.А., Козлов А.А. Проблемные аспекты маршрутизации лиц с наркологическими расстройствами в рамках комплексного лечебно-реабилитационного процесса и возможные меры по их преодолению // Вопросы наркологии. 2020. № 9 (192). С. 5-16.
7. Кочиева М.Л. Представление о реабилитации // Справочник врача общей практики. 2025. № 5 (250). С. 16-21.
8. Кузякина А.С. Стандартизация реабилитационной помощи детям, требующим протезирования верхних конечностей: обзор нормативного правового регулирования // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2020. № 1-2. С. 11-16.
9. Рогачева Т.В. Социально-психологические ресурсы инвалидов трудоспособного возраста в реабилитационном процессе, влияющие на результативность // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2020. Т. 8. № 3 (30). С. 308-318.
10. Рыбачок О.А. Представление о реабилитации // Справочник врача общей практики. 2020. № 8. С. 12-16.
11. Торосян Т.Л. Управление реабилитационным процессом пациента с признаками изменения личности // Дискуссия. 2024. № 9 (130). С. 213-219.
12. Тройнина И.С. Реализация права на реабилитацию: проблемы теории и практики // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2021. № 7-1. С. 207-212.
13. Усенкова Е.В., Кулакова П.С. Организация в России реабилитационного процесса лиц с цереброваскулярными заболеваниями в условиях реабилитационного центра // Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 2. № 12 (120). С. 32-35.
14. Щербаков М.В. Принцип социальной ответственности бизнеса как инструмент балансирования прав собственников и обязательств перед обществом в современном российском законодательстве // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3. № 6. С. 136-143.
15. Grashchenkova A.N. et al. The rehabilitation, health path, mechanotherapy in recuperation of functional reserves of organism // Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine. 2022. Т. 30. № 1. С. 107-111.

External administration as a rehabilitation procedure: conditions for commencement, implementation mechanisms, and effectiveness

Vyacheslav S. Krivoshekov

Postgraduate Student,
Moscow University of Finance and Law (MFUA),
115191, 17, Serpukhovskiy Val str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: crivoshekow@yandex.ru

Abstract

External administration envisaged by Federal Law No. 127-FZ is conceived as the key rehabilitation procedure in bankruptcy, yet in practice it is used extremely rarely and often fails to restore solvency. The aim of the study is to identify the conditions for commencement, the mechanisms of implementation, and the reasons for the low effectiveness of external administration, as well as to outline directions for improving the regulatory framework. The materials comprise provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the Bankruptcy Law, guidance from the

higher courts, statistics from the Unified Federal Register of Bankruptcy Information (EFRSB) and the Judicial Department of the Supreme Court, and a body of arbitrazh (commercial) court practice over the past five years; the formal-legal, comparative-legal, hermeneutic, and statistical methods are used, with benchmarking against foreign models (U.S. Chapter 11, UK administration). It is shown that courts impose external administration only where there is persuasive economic substantiation, since the procedure entails the removal of management and the transfer of powers to an external administrator for up to 18 months with a possible extension, while its central instrument is a moratorium on the satisfaction of register claims, which reduces default sanctions to interest at the refinancing rate and shifts inflation risk onto creditors. It is established that the plan's key mechanisms (restructuring, asset sales, recovery of receivables, asset substitution, and sale of the enterprise as a property complex) are often largely declaratory due to the absence of a detailed cash flow, market analysis, and identified sources of new financing; uncertainty regarding the status of fresh money and the absence of a full-fledged DIP financing regime sharply limit the possibility of rebooting the business. Systemic barriers are identified: creditor distrust of the administrator and the incentive design of his remuneration, abuses through procedural delay or hostile takeovers, judicial passivity in applying cramdown against the will of the creditors' meeting, and the rigid stance of the fiscal creditor. Statistics show the share of external administration at about 1–2% and a minimal share of successful exits, confirming an institutional crisis. It is additionally noted that avoidance of suspect transactions and asset clawback rarely become a prompt source of funds, and sales of businesses at auction are protracted due to appeals; debt write-offs may entail tax risks, and nonpayment of current wages undermines the debtor's sustainability in the procedure. The paper concludes that it is necessary to shift from formalism to economically verifiable criteria of rehabilitation, strengthen judicial expertise in assessing business viability, protect new financing, and reform the rehabilitation segment of bankruptcy (up to and including a single debt restructuring procedure).

For citation

Krivoshchekov V.S. (2025) Vneshnee upravlenie kak rehabilitatsionnaia protsedura: usloviia vvedeniia, mekhanizmy realizatsii i effektivnost' [External administration as a rehabilitation procedure: conditions for commencement, implementation mechanisms, and effectiveness]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (11A), pp. 129-139. DOI: 10.34670/AR.2025.48.17.014

Keywords

External administration, bankruptcy, moratorium, external administration plan, new financing.

References

1. Bulatnikov A.N. (2023) Monitoring i otsenka effektivnosti realizatsii reabilitatsionnykh programm v sfere zavisimosti ot psikhoaktivnykh veshchestv [Monitoring and Evaluation of the Effectiveness of Rehabilitation Programs in the Field of Psychoactive Substance Dependence] // *Narkologiya*, Vol. 22, № 11, p. 10-14.
2. Ermilova A.V., Shenshin A.S. (2020) Nesovershenstvo gosudarstvennoy sistemy reabilitatsii kak prichina suitsidal'nykh nastroyeniy lits s amputatsiyami konechnostey i inymi narusheniyami oporno-dvigatel'nogo apparata [Imperfection of the State Rehabilitation System as a Cause of Suicidal Moods in Persons with Limb Amputations and Other Musculoskeletal Disorders] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*, № 1 (57), p. 74-81.
3. Grashchenkova A.N., Puzin S.N., Bogova O.T. et al. (2022) The rehabilitation, health path, mechanotherapy in recuperation of functional reserves of organism // *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*, Vol. 30, № 1, p. 107-111.

4. Guseva N.K., Berdutin V.A. (2021) Osobennosti i problemy realizatsii reabilitatsionnogo protsessa na meditsinskom etape reabilitatsii [Features and Problems of Implementing the Rehabilitation Process at the Medical Stage of Rehabilitation] // *Laboratornaya i klinicheskaya meditsina. Farmatsiya*, Vol. 1, № 2 (2), p. 34-46.
5. Ishchenko O.Yu., Il'chenko G.V., Ol'khovskaya Yu.A., Semenova E.I. (2024) Paradigmy organizatsii i upravleniya razvitiem reabilitologii v Rossiyskoy Federatsii [Paradigms of Organization and Management of the Development of Rehabilitation in the Russian Federation] // *Detskaya i podrostkovaya reabilitatsiya*, № 2 (52), p. 43-55.
6. Klimenko T.V., Ulezko A.A., Kozlov A.A. (2020) Problemnye aspekty marshrutizatsii lits s narkologicheskimi rasstroystvami v ramkakh kompleksnogo lechebno-reabilitatsionnogo protsesssa i vozmozhnye mery po ikh preodoleniyu [Problematic Aspects of Routing Persons with Substance Use Disorders within the Framework of a Comprehensive Treatment and Rehabilitation Process and Possible Measures to Overcome Them] // *Voprosy narkologii*, № 9 (192), p. 5-16.
7. Kochieva M.L. (2025) Predstavlenie o reabilitatsii [The Concept of Rehabilitation] // *Spravochnik vracha obshchey praktiki*, № 5 (250), p. 16-21.
8. Kuzyakina A.S. (2020) Standartizatsiya reabilitatsionnoy pomoshchi detyam, trebuyushchim protezirovaniya verkhnikh konechnostey: obzor normativnogo pravovogo regulirovaniya [Standardization of Rehabilitation Care for Children Requiring Upper Limb Prosthetics: A Review of Regulatory Legal Framework] // *Problemy standartizatsii v zdravookhranении*, № 1-2, p. 11-16.
9. Rogacheva T.V. (2020) Sotsial'no-psikhologicheskie resursy invalidov trudosposobnogo vozrasta v reabilitatsionnom protsesse, vliyayushchie na rezul'tativnost' [Socio-Psychological Resources of Working-Age Persons with Disabilities in the Rehabilitation Process Affecting Effectiveness] // *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitiye*, Vol. 8, № 3 (30), p. 308-318.
10. Rybachok O.A. (2020) Predstavlenie o reabilitatsii [The Concept of Rehabilitation] // *Spravochnik vracha obshchey praktiki*, № 8, p. 12-16.
11. Shcherbakov M.V. (2025) Printsip sotsial'noy otvetstvennosti biznesa kak instrument balansirovaniya prav sobstvennikov i obyazatel'stv pered obshchestvom v sovremennom rossiyskom zakonodatel'stve [The Principle of Corporate Social Responsibility as a Tool for Balancing Owners' Rights and Obligations to Society in Modern Russian Legislation] // *Akademicheskii issledovatel'skiy zhurnal*, Vol. 3, № 6, p. 136-143.
12. Torosyan T.L. (2024) Upravlenie reabilitatsionnym protsessom patsienta s priznakami izmeneniya lichnosti [Management of the Rehabilitation Process of a Patient with Signs of Personality Change] // *Diskussiya*, № 9 (130), p. 213-219.
13. Troynina I.S. (2021) Realizatsiya prava na reabilitatsiyu: problemy teorii i praktiki [Realization of the Right to Rehabilitation: Problems of Theory and Practice] // *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii*, № 7-1, p. 207-212.
14. Usenkova E.V., Kulakova P.S. (2021) Organizatsiya v Rossii reabilitatsionnogo protsesssa lits s tserebrovaskulyarnymi zabolevaniyami v usloviyakh reabilitatsionnogo tsentra [Organization in Russia of the Rehabilitation Process for Persons with Cerebrovascular Diseases in a Rehabilitation Center] // *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, Vol. 2, № 12 (120), p. 32-35.
15. Velikanova L.P., Kravtsova T.V. (2024) K voprosu o roli psikhologicheskoy komponenty v lechebno-reabilitatsionnom protsesse [On the Role of the Psychological Component in the Treatment and Rehabilitation Process] // *Prikaspiyskiy vestnik meditsiny i farmatsii*, Vol. 5, № 1, p. 6-13.